

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Несколько вопросов И. Глазунову

Выставка работ И. Глазунова во Дворце молодежи, его выступления в прессе и по телевидению («В каждом человеке живет высокое начало» — «Московский комсомолец», 8 июля, 1988; «Тому, что называется перестройкой, я отдал всю жизнь» — «Советская культура», 23 июля, 1988; интервью по телевидению 30 июля) вызвали у нас ряд вопросов как к самому Глазунову, так и к редакциям, готовившим и выпускавшим свои интервью с художником.

Глазунов постоянно повторяет, что наша критика его систематически травит, применяет к нему «удары дубиной» и т. д. За тридцать лет художественной деятельности Глазунова было опубликовано около десяти критических рецензий (несколько в первые годы его деятельности и несколько в связи с выставкой 1986 года) и многие десятки, если не сотни хвалебных, часто апологетических статей, не считая монографий, альбомов, фильмов, телепередач, публикаций работ в журналах и пр. Несколько лет — до середины 1980-х — ни один журнал, ни одна газета не принимали к печатанию материалы, содержащие критический разбор творчества Глазунова, да и в наши дни критическим высказываниям тотчас противопоставляется хвалебное выступление в центральной печати.

Вопрос: Можно ли такую ситуацию в отношении Глазунова считать «систематической травлей»?

Требую от критики поддержки и понимания, Глазунов считает возможным, говоря о художниках-авангардистах, о прославленных мастерах 20-х годов, не только критиковать их творчество, но издеваться над ним, изобличать, называть «полигоном уничтожения», именовать картины Малевича «дорожными знаками» и т. п. О Союзе художников он пишет: «Это организация совершенно ненавидящих друг друга разных людей», о критике: «Наша сегодняшняя критика — это удары дубин, предназначенные для тех, кто не принадлежит к определенной группировке»; секретаря правления Союза художников СССР по критике известного искусствоведа А. Морозова именуется «главарем мафии».

В минувшие десятилетия нам всем был хорошо знаком тип именитого художника, приходящего в негодование при малейшем слове критики в свой адрес, но позволяющего себе всячески унижать и дискредитировать других.

Вопрос: Вы считаете допустимым существование такого типа художника в наши дни?

В телевизионном интервью Глазунов обвинил Морозова в том, что тот якобы сам себя выдвинул в Академию художеств, «желая заседать вместе с Налбандяном». Глазунов, разумеется, прочел имя Морозова в списках художников и искусствоведов, выдвинутых различными организациями для баллотировки в действительные члены и члены-корреспонденты Академии художеств СССР. Фигурировало в этих списках и имя Глазунова.

Следует ли понимать так, что, по мнению Глазунова, выдвижение в Академию художеств является исключи-

тельно результатом интриг и происков самих «выдвигаемых»? Как в свете этого он рассматривает собственные многократные выдвижения?

Для справки можем сообщить, что Морозов, не стремясь к избранию в академию, документов в нее не представлял.

Глазунов постоянно считает возможным упрекать других в том, что для себя полагает вполне допустимым. Так, в своих выступлениях он неоднократно весьма презрительно упоминает имя Налбандяна. Разумеется, писание портретов Сталина и Брежнева не украшает ничьей творческой биографии. Но сам Глазунов рассказывает о том, с каким благоговением и радостью согласился писать юбилейный портрет Брежнева, как угодил «высокому» заказчику.

Вопрос: За что может презирать Налбандяна Илья Глазунов?

Налбандян честнее: рисуя тех, кто у власти, он не глумится над теми, кто в опале, как это позволил себе Глазунов, когда почти одновременно с описанием почтительного портрета Брежнева изобразил в «Мистерии XX века» Хрущева в виде уродца, кривляющегося на ракете, размахивающего башмаком и початками кукурузы. Творчеству Глазунова свойственны такие, мягко говоря, односторонние трактовки образов исторических лиц. В той же «Мистерии XX века» он изобразил Маяковского в виде бандита с рекламы кинобоевика, целящегося в зрителя из револьвера, Рузвельта и Черчилля — в виде клоунов, паясничавших над гробом Сталина, Эйнштейна представил шарлатаном, дразнящим публику высунутым языком и надписью $2 \times 2 = 5$. Вы полагаете, что подобные «хохмы» уместны — не в сатирическом новогоднем панно, не в «Крокодиле», а в картине, претендующей на осмысленные «социальные бури, катастрофы» нашего «тревожного XX века», как характеризует Глазунов свою работу?

И последний вопрос — лично к Глазунову. В интервью «Советской культуре» он дал разъяснения многих сюжетов и тем, воплощенных в картине «Мистерия XX века».

Не будет ли он так любезен пояснить еще один сюжет: что означает огромное красное знамя, перед которым выступает Ленин, разграфленное кабалистическими масонскими знаками, образующими пятиконечные и шестиконечные звезды?

Будем очень признательны, если художник расшифрует этот по меньшей мере странный образ.

В. КОСТИН,
А. ЧЕГОДАЕВ,
А. ЯКИМОВИЧ.